

Церковное единство или политика?

Интервью сайту Pravmir.ru

– Вас интересует, какое значение для Православия могут иметь встречи патриарха КП Варфоломея и его предшественников с Римским папой? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, попытаться уяснить природу, сущность католицизма.

Взаимоотношения Православия с ним сегодня непростые. В них всегда присутствует риск перейти ту грань, за которой возможны существенные отклонения от своей веры, основ духовной и нравственной жизни, канонов, богослужебной практики – всей традиции. Православная позиция здесь вполне определена. С одной стороны, необходимо стремиться, насколько возможно, сохранять самые добрые отношения. С другой – проявлять большую осторожность, чтобы не потерять своих убеждений, не повредить своей вере. Этот принцип является основополагающим для православного понимания всех отношений, связанных с поиском церковного единства. В противном случае они легко могут превратиться в мирскую политику, в дипломатическую игру, недостойную христианских убеждений.

Если обратиться к православно-католическому диалогу, который со стороны православия особенно активно инициируется патриархами Константинопольскими, то в первую очередь необходимо обратить внимание на те критерии истинности в вопросах веры и жизни, которые существуют в православии и католицизме.

Главная особенность Православия заключается в том, что для него лишь то является истинным и непреложным, о чем говорит соборный голос ее святых, поскольку именно они в своей совокупности благодаря причастности Духу Святому могут давать верное понимание Евангелия, возвещенных им истин, всех вопросов духовно-нравственной жизни. (Если говорить о диалоге с католичеством, то здесь, прежде всего, имеются в виду общие святые первого тысячелетия.) Это основополагающий критерий истинности в Православии. Верность ему дала возможность Православной Церкви сохранить в неповрежденном состоянии свою веру на протяжении всей истории.

Другую картину видим в католицизме. Здесь учение святых отцов фактически замещается единоличным голосом Римского папы, который, по учению Католической церкви, просто в силу избрания, а не по причине особой личной святости наделяется божественным свойством безошибочности в возвещении истин веры и жизни. Его определения как верховного пастыря автоматически являются *«сами по себе, а не с согласия церкви неизменны»*, то есть истинны. Папа не обычный глава церкви, какими являются, например, патриархи, он – *наместник Христа на земле* и обладает полнотой канонической власти над всеми епископами и всем клиром церковным. Одновременно он, вопреки Христу, сказавшему: Царство Мое не от мира сего (Ин. 18:36), является абсолютным монархом государства Ватикан. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что данное учение, исполненное гордыни и властолюбия, которое не имеет под собой никакого христианского оправдания, для католицизма и лично для каждого папы является главнейшим догматом. По

причине его Римская церковь отпала от Церкви Вселенской и уже никогда не отступит от него.

Приведу два ярких высказывания, показывающих до какого искажения христианской веры доводит этот догмат. Знаменитый богослов XVI века кардинал Баллармин так разъясняет его суть: *«Если бы даже папа впал в заблуждение, предписывая пороки и запрещая добродетели, Церковь, если она не желает погрешить против совести, обязана была бы верить, что пороки – добро, а добродетели – зло. Она обязана считать за добро то, что он приказывает, за зло – то, что он запрещает»*. А великая католическая святая Катарина Сиенская заявляет о папе: *«Даже если бы он был дьяволом во плоти, я не должна возносить главу против него»*.

Понятно, какую огромную опасность таит в себе убеждение, что истины веры и жизни Церкви непогрешимо определяются одним человеком, независимо от его духовно-нравственного состояния.

Неудивительно поэтому появление в католицизме и многих других догматических заблуждений: о Церкви, Искуплении и оправдании, первородном грехе, Filioque, непорочном зачатии Девы Марии, сверхдолжных заслугах и сокровищнице святых, чистилище, о всех таинствах.

Особенно серьезны его искажения о пути и средствах спасения и о понимании святости, поскольку они наиболее касаются практической жизни каждого христианина.

Достаточно привести несколько примеров из жизни самых авторитетных католических святых, чтобы увидеть насколько принципиально противоположно аскетическое учение Католической церкви Православию.

Вот очень показательный пример из книги современного католического автора Антонио Сикари «Портреты святых», в которой он пишет о главной и постоянной молитве *Учителя церкви* Катарини Иисусу Христу: *"Сочетайся со мной браком в вере!"* «Иисус» является и в знак согласия одевает ей на палец кольцо. После этого она начала настойчиво требовать от всех, даже от самого Христа: *"Я хочу"*, а к королю Франции обращается: *"Творите волю Божию и мою"*.

То же глубоко прелестное состояние и у другого *Учителя Католической церкви* Терезы Великой, которой «христос» заявляет: *«отныне Я не только твой Бог, но и Супруг»*, что приводит ее в экстатическое состояние.

Прямо по их стопам идет последняя по времени возведения в *Учителя церкви* Тереза Малая (XIX в.), которая так описывает свою встречу с «христом»: *«Это было лобзание любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: "Я люблю Тебя и веряю Тебе себя навеки"». Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все... Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах»*.

Неужели не понятно, о каком смирении, какой святости и о каком «христе» говорят эти романы, порожденные той церковью, которая воспитала этих монахинь в таком совершенно искаженном понимании духовной жизни.

Еще один пример, Один из самых авторитетных католических святых Франциск Ассизский во время молитвы *"почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса"* и у него открываются кровавые раны на руках, ногах и в боку – стигмы. Стигмы – это верный знак безблагодатного экзальтированного состояния человека, такое встречается только у католиков. Такого не

знает ни один из святых Церкви, даже самых великих, начиная с Девы Марии и апостолов. А какие слова произносит Франциск перед смертью: *«Я не сознаю за собой никакого прегрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием»*.

Но как чувствовали себя **все** святые единой Церкви на Востоке и Западе? Сисой Великий (V в.), умирая, произнес: *“Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего”*. Пимен Великий говорил: *“Поверьте, братия, где будет сатана, туда буду ввергнут и я”*. А они воскрешали мертвых.

Поэтому и возникает недоумение: по какой же причине и с какой действительно целью так активно ищется единство с тем, кто способен духовно уничтожить Православие?

Ведь в католицизме оказались полностью разрушенными сами основы святоотеческой духовной жизни. И то, что по учению святых Отцов называлось бесовской прелестью, на Западе стало именоваться особым путем святости. Так произошло полное и уже необратимое отпадение западного христианства от того единственного источника истинного понимания Божественного откровения, которым является живой религиозный опыт святых отцов, который сохраняется и которым еще питается Православие.

По этой причине многие русские святые, например, Паисий Величковский, Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадтский писали, что Римская церковь давно уклонилась в еретичество и в прелесть.

Всё это говорю потому, чтобы ясно было, с кем сейчас ведет диалог Православие и какие перспективы его ожидают.

А как Католическая церковь смотрит на православные церкви?

В послании 2000-го года префекта вероучительной конгрегации Ватикана кардинала Ратцингера (с 2005 г. Римского папы) к епископским конференциям подчеркивалось, что *выражение "Церкви-сестры" неприменимо к взаимоотношениям между католиками, православными и протестантами. Можно лишь говорить о католической Церкви как таковой и некоторых доктринах на Востоке*". По его словам, *"когда речь заходит о Церкви, то имеется в виду единственная, святая, универсальная, апостольская католическая Церковь"*. Ее сестрами могут именоваться лишь поместные католические Церкви, подчеркнул кардинал, добавив, что он выступает против *"примитивного экуменизма"*.

Из какого же тогда источника проистекают столь проватиканские шаги Константинопольских патриархов, их богослужебные молитвы с папой, заявления о необходимости объединения с Римом, когда столь очевидны самые серьезные, принципиальные различия между католичеством и православием? Ведь ясно, что стоит за словами *«полное единство»*. Это, во-первых, будет не объединение, а подчинение Православных церквей Риму, во-вторых, произойдет деградация православного вероучения, в-третьих - полное искажение тех святоотеческих основ духовной жизни, на которых только возможно христианину построить дом своего спасения.

Очевидно, искание Царства Божия и правды его всё дальше уходит из сознания христианского как на Западе, так и на Востоке. И понятие «церковное единство» превращается в лозунг, за который нередко прячется разрушительная для Церкви политика.